

Крылов В. Н.

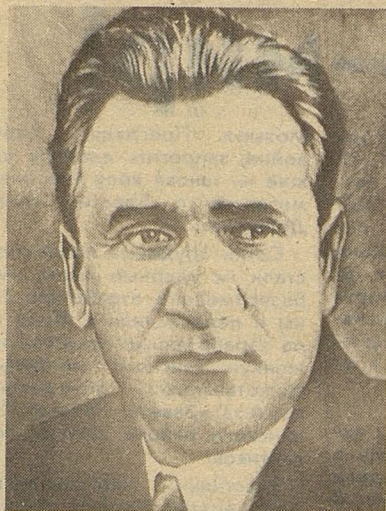
299
1985/11

1 НОЯ 1985

СОВЕТСКАЯ БЕЛОРУССИЯ
г. Минск

СОВЕТСКАЯ БЕЛОРУССИЯ

МЕЛОДИЙ, СЛОВА

ОН ПРОЖИЛ всего сорок два года. Семнадцать лет отдал становлению и развитию Первого Белорусского государственного драматического театра (ныне театр имени Я. Купалы), на сцене которого сыграл множество ролей. Впрочем, слово «сыграл» уместнее заменить на другое — «прожил». Эти рожденные его талантом, обогащенные обаянием личности сценические образы внесли заметный вклад в драматическое искусство белорусского народа, доставили большую радость зрителям. В славной плеяде купаловцев двадцатых и тридцатых годов имя Крыловича было одним из самых авторитетных.

Народно-революционная героика, темы большого гражданского звучания — вот что было наиболее близко его творческой индивидуальности. Мужичий бунтарь Машека в одноименной драме Е. Мировича, выдающийся деятель Парижской Коммуны генерал Домбровский («Великодушие» В. Головчинера), народный герой Кастусь Калиновский (в однои-

менной драме Е. Мировича), вожак сибирских партизан Вершинин («Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова), пламенный борец за Советскую власть в Киргизии и Туркестане Шегабудинов («Мятеж» Д. Фурманова)... Художественное воплощение на сцене столь разных характеров и судеб в столь разнообразных исторических условиях мне лично представляется настоящим актерским подвигом Крыловича. Его многогранное актерское дарование ярко проявлялось также в пьесах камерно-психологического жанра, бытовой драме и комедии.

Принципиально отстаивая свои творческие позиции, Владимир Николаевич нередко говорил, что зритель не должен видеть самой игры, он должен видеть живого человека, верить ему и забыть, что лицезреет его в театре. Жизненную правду на сцене Крылович понимал не просто как житейское правдоподобие, а прежде всего, как обобщенное, активное выявление типических черт человеческого характера, при строгом отборе выразительных средств. На репетициях, в поисках и отборе этих средств он часто вспоминал крылатую фразу М. Горького о том, что натуралист отличается от реалиста тем, что кладет в суп курицу вместе с перьями, а реалист предварительно ощипывает их.

С чувством глубокой гражданской ответственности относился Крылович к своей профессии, называя сцену великой общественной трибуной, на которую позволительно выходить только в том случае, если точно знаешь, ради чего это делаешь и во имя какой цели.

Я был партнером Крыловича во многих спектаклях. Некоторые мои режиссерские работы он украсил и обогатил исполнением главных ролей. И от этого нашего творческого сотрудничества у меня осталось ощущение радости, которую всегда дарит атмосфера взаимопонимания и душевной теплоты.

Никогда не останавливаясь на достигнутом, Крылович постоянно обогащал свои сценические образы, находил новые нюансы, детали. Без этого, как он говорил, роль внутренне умирает и исполнение ее становится формальным ремеслом.

Давно это было... Но вот пишу эти строки, а передо мной как живой стоит старый рабочий-стеклодув Мороз (пьеса «Гута» Г. Кобеца), неутомимый изобретатель самоучка, народный умелец. На первой Олимпиаде искусств народов СССР в Москве, где мы играли спектакль «Гута», Крылович за исполнение этой роли получил диплом первой степени.

И еще в памяти возникает село... Ночь... Погасли в хатах огни... Крепко сколоченный человек (Баев из «Ярости» Е. Яновского) волком бродит по этому ночному селу. Лютая тоска гложет его душу: рушится вековой уклад жизни... Повернул народ на путь коллективизации. Вчера сельсоветчики прибили на высоком столбе длинную черную трубу, из которой несутся ненавистные слова о колхозной жизни. Вот он, этот столб...

Смотрит на него Баев в злобещем молчании, и вдруг разъяренным зверем бросается к столбу, трясет, чтобы сбросить, разбить эту трубу. Но не поддается она, крепко держится.

Тогда Баев снимает сапоги и лезет на столб, добирается до громкоговорителя и бьет по нему долго и яростно. Сбить эту зловещую диковинную штуковину Баеву не удается, и он с каким-то воющим стоном падает на землю.

Мы, актеры, занятые в спектакле, всегда смотрели из-за кулис эту сцену и восхищались мастерством Крыловича-актера.

Последняя роль в его жизни — профессор Чадов из «Жизнь зовет» В. Биль-Белоцерковского. Весь смысл жизни этого крупного ученого, старого большевика — борьба за единство, за счастливое будущее человечества. Он очень болен. Но не болезнью, не груз прожитых лет, не предчувствие скорой кончины нес в зрительный зал Чадов-Крылович, а призыв к жизни, творчеству, к действенному действию.

У Владимира Николаевича была заветная мечта — сыграть Отелло в пьесе У. Шекспира и Егора Булычова М. Горького. Я глубоко убежден, что если бы эта мечта осуществилась, то сценическое воплощение этих образов на купаловской сцене стало бы весьма значительным явлением в советском театре.

В июле 1937 года во время наших гастролей в Донецке Владимир Николаевич последний раз вышел к зрителям. Неумолимо прогрессирующая болезнь сделала свое зловещее дело...

Сегодня, спустя почти пять десятилетий, можно с уверенностью сказать: в истории белорусской советской культуры славное имя Крыловича осталось навсегда.

Леонид РАХЛЕНКО,
народный артист СССР.